Բանբեր Երևանի համալսարանի. Փիլիսոփայություն, Հոգեբանություն
2025, Vol. 16, No. 3(48), հոկտեմբեր, 47-57
https://doi.org/10.46991/BYSU.E/2025.16.3.047

ПОНЯТИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ М. М. БАХТИНА

РУБЕН АПРЕСЯН*
Институт философии РАН России

В нравственной философии М.М. Бахтина ответственность является неотъемлемой характеристикой поступка, наряду с событийностью, участностью, эмоционально-волевым тоном, самосознательностью, ориентированностью личности на Другого. В ответственности все эти характеристики поступка обобщаются, и ответственность может оправданно восприниматься в качестве целостной репрезентации поступка, да и нравственности в целом, поскольку нравственная философия выстраивалась Бахтиным как философия поступка, а поступок рассматривался как целостное воплощение нравственности. В статье рассматриваются два образа ответственности, проступающие в ранних работах Бахтина. С одной стороны, ответственность в его понимании конкретна и неповторима, осуществляется из «единственного места в бытии», по отношению к этому бытию, и в этом смысле Я-центрированна. С другой – признание Бахтиным сложной архитектоники поступка, заданной ценностными установками «я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого» открывает такую перспективу ответственности, при которой она предстает в качестве ответа не на бытие, пусть и в конкретности события-бытия, а на Другого как его участника, вообще Другого. В понятии ответственности, как оно представлено в трактате «К философии поступка» прослеживается смысловая динамика, характерная для раннего философского творчества Бахтина (им самим в текстах не рефлектируемая) – от монологизма к диалогизму, от философии поступка – к философии диалога, действительные последствия которой нашли отражение в зрелых трудах мыслителя.

Ключевые слова: *ответственность, поступок, событие бытия, «не-алиби в бытии», «подпись под обязательством», Я – Другой, монологизм – диалогизм.*

Понятие ответственности занимает центральное место в одной из наиболее ранних работ М.М. Бахтина – «К философии поступка» (ФП). Американские бахтиноведы К. Кларк и М. Холквист, считали ответственность доминантным понятием во всем раннем творчестве Бахтина и избрали для его обозначения определение: «Архитектоника ответственности». Вместе с тем они предполагали, что так

* **Рубен Апресян** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, Россия
Ռուբեն Ապրեսյան – փիլիսոփայական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր, ՌԳԱ Փիլիսոփայության ինստիտուտի ավագ գիտաշխատող, Ռուսաստան
Ruben Apressyan – Dr., Professor, Chief Research Fellow, RAS Institute of Philosophy, Russia
Էլ.փոստ՝ rapressyan@gmail.com http://orcid.org/0000-0002-2473-3909

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Ստացվել է՝ 05.09.2025
Գրախոսվել է՝ 15.09.2025
Հաստատվել է՝ 24.10.2025
© The Author(s) 2025

мог бы называться труд, на создание которого Бахтин был нацелен во всех известных нам работах этого периода[1]. В этом же духе воспринимают ФП А.А. Гусейнов[2] и Н.К. Бонецкая[3]. В начале своего творческого пути, с конца 1910-х годов, Бахтин был охвачен идеей переустройства нравственной философии (Гоготишвили, 2003: 415). Считается, что рукопись ФП должна была лечь в основу введения к нему и первой главы. Как можно видеть по ФП, Бахтин разворачивал свою нравственную философию в широком философском контексте – его рассуждения в ФП наполнены рефлексией относительно ведущих философских направлений того времени – неокантианства, феноменологии, философии жизни, а также Канта и исторического материализма. Но в качестве материала для анализа обобщаемого им опыта практической деятельности Бахтин отталкивался прежде всего от опыта словесного творчества. Показательно, что понятие поступка вводится им поначалу в качестве атрибута не действия, а мысли, высказывания причем предполагаемо мысли и высказывания художника слова, находящегося в особых отношениях со сложившимся уже литературно-художественным миром, с одной стороны, и тем художественным миром (поначалу внутренним), который он выстраивает в своем творчестве, с другой. Более того, Бахтин говорит об авторском высказывании и в этом смысле о творческом (эстетическом) действии, которое, перспективно обращенное ко всем, совершается в одиночестве, в нахождении автора *наедине с собой*, в своем художественном мире, внутреннем общении с героями рождающихся произведений. Возможно, именно это предопределило доминирование Я-центричного взгляда на поступок и, соответственно, нравственность в ФП, который лишь постепенно дополняется признанием роли Другого. Соответственно подвижным предстает и феномен ответственности – с одной стороны, это форма самосознания Я, участно погруженного в событие бытия, а с другой – то же самосознание, но уже опосредованное сложной архитектоникой действительного мира поступка, заданного неслиянно-нераздельным сопряжением Я и Другого. Попытка наблюдения за этим переходом предпринимается в настоящей статье.

*

Ответственность в концепции Бахтина – существенная характеристика поступка, наряду с такими его характеристиками, как событийность, участность, эмоциональная волительность, самосознательность, ценностная ориентация деятеля на Другого.

Поступок (а под поступком Бахтин понимал не только действие, но и мысль, высказывание, а также чувство, жесты, переживания) является, во-первых, «*событием бытия*»: совершенный поступок не существует сам по себе в бытии как таковом, он есть результат интенциональной обращенности деятеля вовне (к предмету или к человеку), и в результате этой обращенности бытие преобразуется – из данности оно превращается в заданность, которая представляет собой «событийное единство», охватывающее поступающего и того, на что/кого поступок направлен. Во-вторых, как событийно-бытийственный, поступок участен: он выступает не просто причиной события

---

[1] **Clark K., Holquist M**. Mikhail Bakhtin. – Cambridge: The Belknap Press, 1984. С. 63.

[2] **Гусейнов А.А.** Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина). Ст. 1. Быть – значит поступать // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 6.

[3] **Бонецкая Н.К.** Бахтин как философ. Поступок, диалог, карнавал. – СПб.: Алетейя, 2022. С. 135.

бытия, но является его участником. В поступке происходит «участно-действенное переживание» конкретной ситуации, и в этом смысле поступок есть «причащение»[4] к «пространственному миру», благодаря чему мотив и результат поступка образуют единство. В-третьих, в поступке как участном событии бытия человек проявляет «заинтересованно-действенное», «ценностное отношение» к предмету поступка. В этом смысле поступок не индифферентен, он эмоционально-волительно интонирован, проникнут «эмоционально-волевым тоном» (Бахтин: 33). Благодаря реализуемому в поступке заинтересованно-ценностному отношению, благодаря *эмоционально-волевой* значимости поступка становится возможным событие бытия. В-четвертых, поступок самосознателен, ответственность человека знаменует активность самосознания, укорененную во всех его личных (*моих*) переживаниях и проявляющую себя объективно (действенно), в сохранении верности самому себе – своим переживаниям, в «напряженном владении собою в абсолютном будущем» (Бахтин: 196). В-пятых, поступок ценностно структурирован, и это воплощено в «архитектонике действительного мира поступка», заданной ценностными установками: «я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого» (Бахтин: 49).

Надо отметить, что, определяя ответственность в качестве проявления активности самосознания, Бахтин обнаруживает себя в значительной мере находящимся в русле философии Германа Когена, тесно сопрягавшего ответственность с самосознанием, самоопределением, приверженностью Я самому себе. Это было совершенно органично той идейной атмосфере, в которой находился Бахтин и его единомышленники в Невеле. Как отмечает Н.И. Николаев, деятельность Невельского интеллектуального кружка, сложившегося вокруг Бахтина «по крайней мере до середины 1920-х годов протекала в рамках проблематики философии Г. Когена»[5]. Выдающееся значение Когена как мыслителя отмечал в поздние годы и сам Бахтин[6].

Ответственность – важное понятие в этике Когена, обозначающее в первую очередь внутреннюю обязанность человека, устанавливаемую им в результате рационального самоопределения. Для усиления коннотации самоопределения в ответственности Коген вводит понятие «самоответственность», в котором находит выражение одно из высших проявлений самости, своеобразно выражающееся в самосознании и по сути снимающее в себе и преодолевающее такие его проявления, как самоопределение и самозаконодательство. «Выразительнее, чем в самоопределении и самозаконодательстве, – отмечает Коген, – в самоответственности выступает самость как подлинная проблема, вокруг которой вращаются все остальные вопросы. Без самоответственности ни самоопределение, ни самозаконодательство не обретают действительной ясности и надежности»[7]. Самоответственность – это понятие, которое, похоже, преобразуется у Бахтина в «индивидуальную ответственность», или «личную ответственность». Вместе с тем, самоответственность имеет у Когена

---

[4] **Бахтин М.М.** Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов / Ред. С.Г. Бочаров, Н.И. Николаев. – М.: Русские словари; ЯСК, 2003. С. 17 [Далее отсылки на это издание даются в тексте статьи в круглых скобках с указанием имени автора и страницы].

[5] **Николаев Н.И.** Вступительная заметка к публикации: Лекции и выступления М.М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского // М.М. Бахтин как философ / Отв. ред. Л.А. Гоготишвили, П.С. Гуревич. – М.: Наука, 1992. С. 224.

[6] Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / Вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожинова. – М.: Прогресс, 1996. С. 39–40.

[7] **Cohen H**. System der philosophie. Zweiter Teil. Ethik des reinen Willens. – Berlin: Bruno Cassirer, 1904. S. 350.

еще и другой, более широкий, концептуальный контекст, заданный сопоставлением нравственности с правом и мифом/религией, при котором самоответственность оказывается в одном ряду с виной (в праве) и судьбой (в мифе или мифоподобных формах культуры). В отличие от вины, удостоверяемой вердиктом судьи, и судьбы, посылаемой трансцендентными силами, в нравственности личность сама определяют меру своей ответственности, самоответственности – как «способности отвечать на вызовы судьбы с позиции самости»[8]. В нравственности вина рассматривается изнутри, через самосознание, а не через нормы, как в праве. Быть нравственным, значит, принимать вызов судьбы и отвечать на вопрос о своей вине на «форуме самости» под своим собственным судом, неся самому ответственность за себя[9]. Таким образом, Коген в рассмотрении нравственности, в частности в модусе ответственности, предлагает такое понимание, в духе которого, хотя и не в таком широком концептуальном и нормативном контексте, будет размышлять об ответственности Бахтин[10].

Итак, в ФП ответственность, находясь в ряду названных характеристик поступка, охватывает их все, обобщает их и в конечном счете выступает как способ бытия поступка; во всех своих характеристиках поступок предстает ответственным поступком (Бахтин: 20, 31, 36, 37). На это указывает А.А. Гусейнов, обсуждая философию поступка Бахтина: «Целостность поступку в единстве различных аспектов придает его ответственный характер»[11]. В ответственном поступке человек «максимально активно и сполна реализует единственность своего места в бытии», и этим ответственный поступок отличается от «пассивного вживания, одержания, потери себя» (Бахтин: 19). Бахтин говорит о поступке, что он «не со стороны своего содержания, а в самом своем свершении как-то знает, как-то имеет единое и единственное бытие жизни, ориентируется в нем, причем весь – и в своей содержательной стороне, и в своей действительной единственной фактичности; изнутри поступок видит уже не только единый, но и единственный конкретный контекст, последний контекст, куда относит и свой смысл и свой факт, где он пытается ответственно осуществить единственную правду и факта и смысла в их единстве конкретном» (Бахтин: 29). Ответственность, таким образом, атрибутирована поступку и реализуется посредством поступка.

*

Такова основа понимания Бахтиным ответственности, то, что лежит на поверхности текста ФП. Место ответственности в феномене поступка особенно: она опосредует все остальные характеристики поступка, и они все ею опосредованы. В этом смысле ответственность – определяющая характеристика поступка. Как Бахтин провозгласил в своей первой опубликованной работе, небольшом эссе «Искусство и ответственность»: «Личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду его жизни, но проникать друг друга в единстве вины и ответственности» (Бахтин: 5). В духе бахтинской мысли можно было бы сказать, что ответственность есть поступок, поскольку иначе,

---

[8] Ibid.

[9] Ibid. S. 351.

[10] Речь, конечно, идет о близости (если не сказать родственности) Бахтина Когену, а не Когена Бахтину, как это представляет Бонецкая (**Бонецкая Н.К.** Указ. соч. С. 159).

[11] **Гусейнов А.А.** Указ.соч. С. 12.

как в поступке ответственность не проявляется, и вместе с тем, поступок есть ответственность, поскольку иначе, как ответственным, поступок быть не может.

Из приведенных слов Бахтина нельзя сделать вывод, что деятель при совершении поступка ориентируется на определенное *представление* об ответственности. Естественный для обычного нормативного мышления вопрос, *перед кем/чем ответственен поступающий*, не получает разъяснения[12], во всяком случае не сразу. Это не ответственность перед Другими и тем более не перед нравственными ценностями или нормативной средой, в которой пребывает Я. Это отклик на возможность события в бытии, которую Я реализует в эмоционально-волевой интенции поступка, преобразующего «пространственный мир» его свершения в событии бытия. Бахтин об этом так и говорит: «В основе единства ответственного сознания лежит не принцип как начало, а факт действительного признания своей причастности к единственному бытию-событию […]; здесь исток поступка и всех категорий конкретного единственного нудительного долженствования. […] я занимаю в единственном бытии единственное, неповторимое, не-заместимое и непроницаемое для другого место. […] То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может» (Бахтин: 38). Здесь, как и в продолжающемся пассаже *единственность* – ключевое и доминирующее слово (в тринадцати строчках текста оно употреблено тринадцать раз). Ведущая коннотация определения «единственность» – неповторимость, что подтверждается неоднократной на протяжении данного пассажа вербализацией этой коннотации. Она, как можно видеть из приведенной цитаты, дополнительно уточняется: «не-заместимость», «непроницаемость для другого».

Для Бахтина существенна единственность находящегося на своем единственном месте индивида, который в своей единственности и ответствен, и подлежит долженствованию в поступках. О единственном моменте бытия Бахтин замечает, что он может мыслиться человеком как «общий со всем бытием», но в результате акта подведения единственного под общее, локализацией единственности как понятия в «мире общих понятий» и установлением «ряда логических соотнесений» человек свою единственность утрачивает. Такое подведение возможно в теоретическом (то есть обобщенном) мышлении. А оно препятствует приобщенности человека к своей мысли. Аналогичная аберрация ответственности происходит при переориентации с персональной причастности на представительскую «участность» и сфокусированности на своем представительстве «в политическом акте или религиозном обряде» (Бахтин: 48). В качестве только-представительствующего человек оказывается *специально ответственным*, актуализирующим себя в конкретной практической области, в рамках которой неосуществимо событие бытия, а поступки оказываются оторванными «от онтологических корней персональной причастности – становятся случайными по отношению к последнему единственному единству, в котором не укоренены» (Там же). Только признание человеком своей действительной единственности «дает ряд действительно нудительно-должных поступков» (Бахтин: 39).

Долженствование, ответственность, единственность явлены в некоей мыслительной констеляции, взаимопереплетенные и взаимообусловленные: «Долженствование впервые возможно там, где есть признание факта бытия единственной личности изнутри ее, где этот факт становится ответственным центром, там, где я принимаю

[12] **Бонецкая Н.К**. Указ. соч. С. 6, 15.

ответственность за свою единственность, за свое бытие» (Бахтин: 40). Но «механика» этой взаимообусловленности, даже в ее феноменологической данности (не говоря о функциональном и тем более нормативном аспектах проблемы) не ясна. Получается, что факт признания личностью своего единственного бытия *становится* фактором принятия личностью своей ответственности (иными словами, осознание единственности предшествует принятию ответственности), предметом которой, в свою очередь, оказывается своя единственность, то есть то, в силу чего ответственность была принята. Не ясно, как соотносятся долженствование и ответственность, являющиеся дериватами «признания факта бытия единственной личности»? Из слов: «Ответственный поступок и есть поступок на основе признания долженствующей единственности», можно сделать вывод, что ответственность основана на признании долженствования; но в то же время ответственность «есть основа действительной нудительной данности-заданности жизни» (Там же).

Между тем, в середине этого пространного рассуждения о долженствовании и ответственности личности из ее «единственного места в бытии» возникает, на первый взгляд, проблемно контрастирующий с «единственностью единственного» сюжет Другого. Со своего «единственного в бытии места» Я «хотя бы только вижу, знаю другого, думаю о нем, не забываю его, то, что и *для меня он есть*» (Там же). Конечно, речь может идти о *другом* как всего лишь не-я, о некоем *предмете*. В ФП *другой* прежде всего представлен в качестве предмета, о котором причем иногда говорится так, как если бы это был Другой, и только постепенно рядом с *другим-предметом* появляется другой как *Другой*, то есть как лицо, да и то не всегда как активное, субъектно определенное, взаимодействующее[13]. Скорее всего здесь подразумевается именно Другой, поскольку определенность личности в отношении него, наряду с процитированным, выражается еще и в том, что «…это только я могу для него сделать в данный момент во всем бытии» (Там же). Но здесь еще нет речи об активном взаимодействии, в котором Другой выступал бы соразмерным Я деятельным началом. Речь пока идет только о «действии действительного переживания во мне, восполняющем его бытие, абсолютно прибыльном и новом и только для меня возможном» (Там же), мысль вновь возвращается к Я, несущему «ответственность за свою единственность, за свое бытие».

*

Ответственность, по Бахтину, это проявление активности личности. В некоторых местах ФП активность рассматривается прежде всего не в аспекте вовне направленного усилия личности, но как противоположность пассивности. В ответственности, или в поступке личность актуализирует свое Я, и это видится Бахтиным как первичное в поступке и определяющее его. Содержание же поступка представляется вторичным, присоединенном к поступку, добавленным к нему. Эту мысль Бахтин выразил столь риторически ярко, что фраза, ее заключающая, стала почти крылатой: «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним» (Бахтин: 37). Отрицание Бахтиным обязывающей силы обязательства обусловлено его этическим антинормативизмом. Однако что такое обязательство, если не то, что в силу своего содержания обязывает того, кто его на себя принял или на кого оно было легитимно

[13] **Махлин В.Л.** Другой // Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования. Сборник статей / Под. ред. Н.Д. Тамарченко, С.Н. Бройтмана, А. Садецкого. – М.: РГГУ, 1997. С. 141–148.

возложено? Обязательства не существует, если оно не принято или не вменено. Обязательство это содержательно определенное предписание. Без этого содержания не может быть никакого поступка. Содержание обязательства, конечно, обязывает. По самому смыслу слова, обязательство – это то, что человек принял, взял на себя, под свою ответственность, чем связал себя (этимологически слово «обязательство» восходит к «связыванию», «связи») и тем самым поставил подпись. В праве обязательство – это функция от заключенного договора, факт которого в любом случае подтвержден подписью, или принятого соглашения, закрепленного если не подписью, то честным словом. Указание Бахтина на значимость именно личной подписи еще раз свидетельствует о том, что при создании рукописи он умозрительно пребывал в мире чистых понятий и высоких общественных отношений. Между тем как кознями темного провидения реально он уже находился в обществе, стремительно спешившем к тому порядку, в котором каждый, возможно за единственным исключением, мог быть понужден к личной подписи под предъявленным содержанием, морально дезавуировавшим как любое принимаемое обязательство, так и саму личность, эту подпись ставившую.

Если мы говорим о поступке, то признание обязательства – это полдела, необходимо, чтобы обязательство было практически исполнено. Что представляет из себя поступок, совершенный во исполнение обязательства? Предвосхищая такого рода вопросы, Бахтин спешит добавить, что хотя по этому поводу и можно «вдоволь философствовать», это вопросы, появляющиеся «лишь при теоретической транскрипции post факта», – а «для поступающего сознания все это – лишь технический аппарат поступка» (Там же). – Однако без «технического аппарата» поступок не как мечтательное упование в пространстве божественного эфира, а как практическое дело, невозможен. Очевидно, что совершаемый во исполнение обязательства поступок должен быть непосредственно соотнесен с ним по своим намерениям, мотивам и результатам, которые подлежат оценке по мерке обязательства. Последнее обретает смысл лишь в интерактивном, коммуникативном контексте, по меньшей мере, опосредованно ему. Но чтобы понять это, нужно признать значимость этого контекста по существу.

Идея всей полноты ответственности человека, не имеющего ни малейшего основания для уклонения от своей причастности к единственному бытию выражена в еще одном риторически ярком выражении, приобретшим концептуальное звучание – «*не-алиби в бытии*» (Бахтин: 44). Речь идет о том, что человек неповторим в своем единственном бытии, и нет такой ситуации, относительно которой он мог бы сказать: «Меня здесь нет». Именно через «не-алиби в бытии» человек предстает в своей единственности – и как неповторимый, и как исключительный. Он не просто переживает себя в качестве единственного («ничто в бытии, кроме меня, не есть для меня Я» (Бахтин: 39), он и бытийствует таким образом. Это не значит, что объективно в мире нет других Я, но человек переживает лишь свое Я как «причастное к единственному бытию». Его единственность *дана*, поскольку он присутствует (пассивно) в бытии, но свое присутствие человек актуализует (активно) посредством поступка, и тем самым его присутствие *задано*, он задает свою единственность, подтверждает свою неповторимую исключительность. Присутствие в бытии обрекает его на уча-

стие в нем, оказывается «нудительным», заставляет «иметь долженствование» по отношению ко всему вокруг – поступать «по отношению ко всему, что не есть Я» (Бахтин: 40).

На троп «не-алиби в бытии» можно посмотреть в перспективе другого мыслительного сюжета, развиваемого в работах Бахтина начала 1920-х годов и касающегося двух видов ответственности – «специальной» и «общей». Специальная ответственность исчерпывается содержанием поступка в данной ситуации, в данной «культурной области» (Бахтин: 261, ср. 222), общая ответственность – это ответственность за бытие, это нравственная ответствен–ность в собственном смысле слова, ответственность, которая осуществляется «в Божьем мире». «Специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности», – говорит Бахтин в ФП и, вместе с тем, как Бахтин отмечает в работе, примыкающей к ФП «Автор и герой эстетической деятельности», «нельзя творить непосредственно в Божием мире» (Бахтин: 261), то есть не только специальная ответственность является приобщенным моментом общей ответственности, но и общая ответственность осуществляется посредством специальной ответственности. Ценностно-смысловое взаимоотношение между двумя видами ответственности, как и «механика» их функционального взаимодействия не получила достаточного развития в трудах Бахтина. Однако, экстраполируя эти идеи на представление о «не-алиби в бытии», можно предположить, что общезначимость не-алиби и неустранимость ответственности может быть помыслена при признании взаимной сопряженности общей и специальной ответственности и понимании того, что человек, всегда действуя в конкретной «культурной области», актуально приобщается к Божьему миру, к бытию, и в решении задач специальной деятельности должен осознавать эту свою приобщенность. Такое представление об ответственности коррелирует с тем, которое развивал Коген, считая человека ответственным как представляющего все человечество, независимо от каких-либо конкретных своих репрезентаций[14].

В концепте «не-алиби в бытии», развиваемом на протяжении десятка страниц, наиболее остро выразилась доминирующая в ФП характеристика поступка как *монологичного* самоопределения личности. Вне рамок ФП само это выражение более не встречается.

Как выше было отмечено, в поступке, согласно Бахтину, находит воплощение «ответственно активная» установка сознания. В ней наиболее четко отражается архитектоника действительного мира поступка. Эта установка проявляется в том, что человек в поступке отвлекается от себя: без самоотвлечения, или самоотречения невозможна реализация человеком самого себя в событии бытия. Взятый с этой стороны, поступок демонстрирует возможность иного содержания ответственности, а именно: как некое обязательство перед Другим(и), в котором ответственность принимает форму долженствования. По приведенным высказываниям из ФП, касающимся «архитектоники действительного мира поступка» можно определенно говорить о том, что Бахтин, говоря об ответственности, иногда предполагал и интерсубъектное ее значение, а равно и поступка. Это не должно удивлять, если учесть, что ФП в ряде отношений представляет собой произведение, наполненное смысловой

[14] **Cohen H**. Op. cit. S. 4–5.

динамикой, в частности, от монологизма к диалогизму, который постепенно набирает силу, начиная с признания сложной архитектоники поступка до утверждения принципа абсолютного себя-исключения в последнем абзаце сохранившегося текста трактата.

С.С. Аверинцев в комментариях к ФП, отмечает, что в поздние годы для Бахтина в ответственности важным становится *ответ*. Через «ответность» ответственности открывается ее диалогическая перспектива, на что в особенности указывает одно рассуждение Бахтина в записях начала 1950-х годов. Бахтин обращает внимание на внутренне комплексный характер всякого высказывания. Это проявляется в *ответственности* высказывания – а именно в том, что каждое высказывание оказывается рядом с другими высказываниями, среди них; любое высказывание совершается в перекличке с другими. Любое высказывание имеет, как говорит Бахтин, «обертоны», и это – *диалогические обертоны*, благодаря которым раскрывается дискурсивная контекстуализированность всякого высказывания. «Самая монологическая, – отмечает Бахтин, – самая сосредоточенная на своем предмете речь (максимально далекая от всякой риторичности) все равно имеет такие диалогические обертоны» (Там же). Высказывание – это «отдельная мысль среди других отдельных мыслей того же говорящего»; но вместе с тем мысль существует через обмен мыслями, «т.е. в процессе высказывания для другого». И высказывание только кажется «изолированным и самодовлеющим», в действительности оно представляет собой часть «обмена высказываниями с другими в пределах данного общества» (Там же: 240). Вроде бы речь идет не об общении, а о высказывании, но высказывание осуществляется в общении и выражается в нем, оно является его средством и его материалом. Это и имел в виду Аверинцев, говоря о таящихся в ответственности «диалогических коннотациях ответа» (Аверинцев: 443).

Выше указывалось на то, что Бахтин противопоставлял ответственный поступок пассивному вживанию. Ответственный поступок – это поступок отречения от себя ради освоения мира. Самоотречение в ответственном поступке не лишает мир присутствия человека, наоборот, в самоотречении обогащается бытие-события. В связи с этим Бахтин произносит слова, задающие всему его рассуждению особый смысловой вектор, не артикулируемый в иных местах ФП: «Великий символ активности отошедший Христос […] Мир, откуда ушел Христос, уже не будет тем миром, где его никогда не было, он принципиально иной» (Там же: 19). Христос здесь предстает не просто как единственный, а как единственный-одинокий, для которого Другой – это ученики, принявшие его беззаветно; у Христа нет равного Другого. Этот образ одинокого Христа как будто бы какое-то время был ключевым для Бахтина и в трактовке человека в мире. И только по мере формирования идеи архитектоники поступка (как она выше была представлена при характеристике поступка) возникает понимание интерактивной напряженности в поступке, которое распространяется и на представление о событии бытия, в которое теперь оказываются включенным и Другой.

В перспективе к концепции диалога, которую, как уже было сказано, Бахтин вскоре начал развивать, меняется и понимание ответственности человека. Она не априорна, но предопределена положением человека по отношению к объекту ответственности, и в этом смысле отношение ответственности сугубо конкретно в силу неповторимости ситуации, в которой это отношение разворачивается. Конкретность

этого отношения обусловлена положением человека во взаимодействии с другими, и в нем человек ориентируется как ситуативно-реактивно, так и нравственно, то есть имея в виду ценности, значение которых Бахтин в ФП, с одной стороны, отрицал, а с другой – признавал, отмечая опасность опустошения поступка, от которого отторгнуто «смысловое содержание» (Бахтин: 29–30). Ценности, сами по себе носители безличного, абстрактного, «чистого» содержания, будучи включенными в ориентацию личности, перестают быть безличными, наполняются предметным содержанием и становятся фактором личной ориентации человека в поступке, направленном на Другого, Других, по отношению к которым как участникам нормативного сообщества у человека есть обязанности (Бахтин: 231). Так что как нравственно-ответственная личность человек предстает отвечающим перед Другим, Другими соответственно разделяемым ими нравственным ценностям.

ՌՈՒԲԵՆ ԱՊՐԵՍՅԱՆ – *Պատասխանատվության հասկացությունը Մ. Մ. Բախտինի բարոյական փիլիսոփայության մեջ* – Մ. Մ. Բախտինի բարոյական փիլիսոփայության մեջ պատասխանատվությունը՝ իրավիճակայնության, մասնակցայնության, կամային-էմոցիոնալ տոնի, ինքնագիտակցականության, դեպի Ուրիշը՝ անձի կողմնորոշվածության հետ արարքի անբաժան բնութագրիչն է: Բոլոր այս բնութագրիչներն ամփոփվում են պատասխանատվության մեջ: Եվ քանի որ Մ. Բախտինը կառուցում էր իր բարոյական փիլիսոփայությունը որպես արարքի փիլիսոփայություն, իսկ արարքը դիտարկում էր որպես բարոյականության ամբողջական մարմնավորում, պատասխանատվությունը արդարացիորեն կարող է ընկալվել որպես ոչ միայն արարքի, այլև ընդհանրապես բարոյականության ամբողջական ռեպրեզենտացիա: Հոդվածում քննարկվում է Մ. Բախտինի վաղ շրջանի աշխատանքներում ներկայացված պատասխանատվության երկու ձև: Իր ընկալմամբ, պատասխանատվությունը, մի կողմից, կոնկրետ է և անկրկնելի, իրացվում է «կեցության եզակի տեղից» այդ կեցության նկատմամբ, և այս իմաստով Ես-ակենտրոն է: Մյուս կողմից, Բախտինի կառուցած արարքի բարդ արխիտեկտոնիկան, որը ներկայացված է «ես-ինձ-համար, ուրիշը-ինձ-համար և ես-ուրիշի-համար» արժեքային կողմնորոշումներով, բացում է պատասխանատվության այնպիսի հեռանկար, որի դեպքում վերջինս ներկայանում է ոչ թե որպես պատասխան կեցությանը (թող և «իրադարձություն-կեցություն» կոնկրետության մեջ), այլ որպես պատասխան Ուրիշին՝ այդ կեցության մասնակցին: «Արարքի փիլիսոփայությունը» աշխատության մեջ քննարկված պատասխանատվության կոնցեպտը կրում է Բախտինի վաղ փիլիսոփայական ստեղծագործականությանը հատուկ, բայց իր կողմից չարձանագրվող իմաստային դինամիկան (մենախոսականությունից՝ երկխոսականություն, արարքի փիլիսոփայությունից՝ երկխոսության փիլիսոփայություն), որի իրական հետևանքները ամրագրվեցին մտածողի ուշ շրջանի գործերում:

Բանալի բառեր – *պատասխանատվություն, արարք, կեցության իրադարձություն, «ոչ-այլուրեքությունը կեցության մեջ», «ստորագրություն պարտավորության տակ», Ես-Ուրիշը, մենախոսականություն – երկխոսականություն*

RUBEN APRESSYAN – ***The Concept of Answerability in Mikhail Bakhtin's Moral Philosophy.*** – In Mikhail Bakhtin's moral philosophy, answerability (responsibility) is an integral characteristic of the act, along with eventness, participation, emotional-volitional tone, self-awareness,

and the personality's orientation toward the Other. Answerability synthesizes all these characteristics of the act and can be justifiably perceived as a holistic representation of the act, and of morality in general, since Bakhtin constructed his moral philosophy as a philosophy of the act, and the act was viewed as the holistic embodiment of morality. The article examines two images of answerability that emerge in Bakhtin's early works. On the one hand, answerability in his understanding is concrete and unrepeatable, carried out from a "unique place in being' in relation to this being, and in this sense it is Self-centred. On the other hand, Bakhtin's recognition of the complex architectonic of the act, determined by the value attitudes "I-for-myself, the other-for-me, and I-for-the-other," opens up a perspective on answerability in which it appears as a response not to being, even in the concreteness of the Being-as-event, but to the Other as a participant in it, as the Other in general. In the concept of answerability as presented in the treatise, *Toward a Philosophy of the Act*, there is a semantic dynamic characteristic of Bakhtin's early philosophical work (unreflected upon by him in the texts themselves) – from monologism to dialogism, from a philosophy of the act to a philosophy of dialogue, the actual consequences of which are revealed in the thinker's mature works.

Key words: *answerability, act, Being-as-event, "non-alibi in Being", "signature below obligation", I – the Other, monologism – dialogism*

Заявление об этических нормах
Автор подтверждает, что все этические требования, касающиеся исследования, были соблюдены.

Заявление о конфликте интересов
Автор подтверждает отсутствие конфликта интересов

References

Averintsev, S.S. "Postranichnye primechaniya" // Bakhtin M.M. Sobranie Sochineniy. Vol. 1 / eds. S.G. Bocharov, N.I. Nikolaev. – Moscow: Russkie Slovary; YaSK, 2003. – P. 438–456 (in Russian).

Bakhtin M.M. Sobranie Sochineniy, Vol. 1, eds. S.G. Bocharov, N.I. Nikolaev. – Moscow: Russkie Slovary; YaSK, 2003 (in Russian).

Bakhtin, M.M. *Sobranie Sochineniy*. Vol. 5, eds. S.G. Bocharov, L.A. Gogotishvili. – Moscow: Russkie Slovary, 1997 (in Russian).

Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym / Vstup. st. S.G. Bocharova i V.V. Radzishevskogo; zakl. st. V.V. Kozhinova. – Moscow: Progress, 1996 (in Russian).

Bonetskaya N.K. Bakhtin kak filosof. Postupok, dialog, karnaval. – St. Petersburg: Aleteja, 2022 (in Russian).

Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. – Cambridge: The Belknap Press, 1984.Cohen H. *System der philosophie. Zweiter Teil. Ethik des reinen Willens*. – Berlin: Bruno Cassirer, 1904.

Gogotishvili L.A. Kommentarii; Postranichnye primechaniya" // M.M. Bakhtin, Sobranie sochineniy. Vol. 1, eds. S.G. Bocharov, N.I. Nikolaev. – Moscow: Russkie Slovary; YaSK, 2003. – P. 351–438, 457–492 (in Russian).

Guseinov A.A. Filosofija postupka kak pervaja filosofija (opyt interpretacii nravstvennoj filosofii M.M. Bakhtina). Article 1. Byt' – znachit postupat' // Voprosy filosofii. 2017. No. 6. – P. 5–15 (in Russian).

Mahlin V.L. Drugoj // Bahtinskij tezaurus. Materialy i issledovanija. Sbornik statej / Pod. red. N.D. Tamarchenko, S.N. Brojtmana, A. Sadeckogo. – Moscow: RGGU, 1997. – P. 141–148 (in Russian).

Nikolaev N.I. Vstupitel'naja zametka k publikacii: Lekcii i vystuplenija M.M. Bakhtina 1924–1925 gg. v zapisjah L. V. Pumpjanskogo // M.M. Bakhtin kak filosof / Otv. red. L.A. Gogotishvili, P.S. Gurevich. – Moscow: Nauka, 1992. – S. 221–232 (in Russian).